

Н. В. БАЛУЕВА

РЕГЕНТ: СУДЬБА И СЛУЖЕНИЕ

Протоиерей
Михаил Фортунато

УДК 783
ББК 85.318
Б 15

Балуева Н. В.

- Б 15 Регент: судьба и служение. Протоиерей Михаил Фортунато / Науч. ред. Н. Г. Денисов. — М.: Языки славянской культуры, 2012. — 424 с., ил., вклейка; Balueva N. V. The Choir-master: a destiny, a ministry. Archpriest Michael Fortounatto / Academic editor: N. G. Denisov. — М.: The Languages of Slavic culture, 2012. — 424 p.

ISBN 978-5-9551-0481-2

Предлагаемая читателю монография посвящена жизни и творческой деятельности православного регента, протоиерея Михаила Фортунато. Сквозь призму становления и развития жизненного пути отца Михаила раскрываются разные стороны жизни русской эмиграции во Франции и Англии. Священническое и регентское служения отца Михаила проходили в Англии в период управления епархией ее основателем, знаменитым митрополитом Антонием Сурожским. Повествуется о деятельности отца Михаила по возрождению богослужбной певческой традиции и на своей исторической Родине — в России.

Книга адресована специалистам в области православного богослужбного певческого искусства, служителям клиросов (певчим, псаломщикам, регентам, уставщикам), преподавателям и воспитанникам духовных школ, а также широкому кругу читателей. Монография также представляет интерес историкам, искусствоведам, интересующимся той частью русской истории и культуры XX века, которая развивалась «в изгнании», в эмиграции.

Наконец, тем, кто был знаком с отцом Михаилом лично в России, Англии, Франции, Голландии и Америке, эта книга напомнит о встречах с любимым наставником, талантливым регентом, самобытным «богословом церковного пения», добрым учителем и другом.

ББК 85.318

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0481-2

© Н. В. Балуева, 2012
© Языки славянской культуры, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
От автора	8
Введение	11

Часть I. Биография Михаила Фортунато

Глава 1. Семья. Детские и юношеские годы	17
Глава 2. Годы учения в Богословском институте	43
Глава 3. Служба в армии. Женитьба. На приходе в Аньере и Лионе. Переезд в Великобританию	70
Глава 4. Англия. Первые годы жизни	80
Глава 5. 1970-е и 1980-е годы: священник и регент	88
Глава 6. 1990-е: в Калифорнии, после возвращения — в Лондоне и Бристоле	98
Глава 7. «Русский период»	106
Глава 8. 2000-е: последние годы в Англии, возвращение во Францию, Шатель Монтань	131

Часть II. Протоиерей Михаил Фортунато — регент Русской Православной Церкви

Общая характеристика регентской деятельности	155
Глава 1. Регент — богослов и уставщик: осмысление богословско-литургического содержания и уставных особенностей богослужений	158
Глава 2. Репертуарные принципы и исполнительские традиции хора Успенского кафедрального собора	185
Глава 3. Интерпретация богослужений на примере служб Страстной седмицы и Пасхи	226
Глава 4. Регентский жест в литургическом контексте	269
Глава 5. Регентский анализ песнопений	284

Глава 6. Регент — «распевщик»: авторские переложения протоиерея Михаила Фортунато	297
Глава 7. Издание «Октоиха» и «Триоди»: продолжение и развитие труда А. Д. Кастальского по «выразительному пению стихир»	316
Заключение	348
Библиография	350
Список нотной литературы	355
Приложения	358
Протоиерей Михаил Фортунато: «Наблюдения и мысли старого регента» (доклад на международной конференции «Русское Зарубежье: музыка и Православие»)	359
Архивные документы	367
Нотное приложение	381
Summary	406
Именной указатель	407

ГЛАВА 1

СЕМЬЯ. ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

Мы потеряли земную Родину,
но обрели Небесное Отечество.

В. Л. Фортунато

Семейные предания

В каждом человеке рано или поздно просыпается интерес к своему происхождению, родовому древу, семейным преданиям. В древнем Израиле сугубое внимание к истории рода было связано с ожиданием Мессии. В аристократических семействах России и Западной Европы многие поколения родовитых предков были гарантией благородного происхождения и чистоты крови. В семьях ремесленников, художников и музыкантов опыт и секреты мастерства передавались из поколения в поколение. Род, семья были для большинства людей прошлого оплотом существования, способом выживания, реальной почвой под ногами. В наше время «родовая память» во многих семьях либо утрачена вовсе, либо стала необычайно короткой. Для тысяч беженцев из России, наводнивших Западную Европу после революции 1917 года и гражданской войны, память о своем происхождении, корнях зачастую была единственной живой нитью, связывающей их с покинутой Родиной.

В семье Фортунато предание об основоположниках рода хранится вот уже на протяжении семи-восьми поколений, а в послереволюционный период, в эмиграции, сохранялось особо бережно. Наиболее интересным и подробным источником информации о «старейшинах» семьи являются рукописные воспоминания Екатерины Львовны Фортунато, тетки Михаила со стороны его отца Всеволода Львовича. После революции она осталась в России и проживала в Днепропетровске. Многие подробности из жизни предков по мужской линии записаны самим Михаилом Фортунато по рассказам его отца. В последние годы благодаря интернету и ставшим вновь доступным российским архивам, серьезным изучением истории семьи стал заниматься брат протоиерея Михаила, Владимир Всеволодович Фортунато. В результате его исследований выяснилось немало интересных и ранее неизвестных фактов, относящихся, в частности, к месту и времени рождения «первых» Фортунато.

Филипп Фортунато является первым в роду, чье имя сохранилось в памяти потомков, место рождения и годы его жизни неизвестны. Отец Михаил считает, что *«собственно непрерывная, хотя местами неполная, семейная история, основанная на живых воспоминаниях отдельных его членов и подкрепленная достоверными со-*

бытиями, идет от выходца из Италии, некоего “Antonio” Фортунато. Фамилия его впоследствии никем не русифицировалась, сохранив поныне свое итальянское звучание — без “в” в конце» [Фортунато (аудио-14)]. Антонио родился в 1780 или 1781 г. в Италии и получил образование в Неаполе в казенном заведении св. Марии Магдалины, откуда был вывезен матерью в Венецию. Однако его зрелый период жизни связан уже с Россией. Протоиерей Михаил, предполагая возможные причины переезда Антонио Фортунато, описывает политические события в Италии и Франции, которые пришлось пережить на детские и юношеские годы его предка.

Приблизительно в это время (1748—1792) политическое и социальное положение в разделенной Италии несколько стабилизировалось благодаря долгому владычеству австрийского императорского дома Марии Терезии среди королевств Италии: одна из ее дочерей была замужем за королем Неаполя. Это была эпоха умеренного просвещения, успокоения нравов, сравнительного благополучия крестьянского и городского населения.

В 1789 г. революция всколыхнула Францию, которая вскоре вооружилась; в 1792 г. к ней перешло владение Савойей и Ниццей. В 1796 г. Наполеон Бонапарт был назначен главнокомандующим французской армией в Италии. Большинство итальянских владений были настроены против Франции, но в отсутствие всякой централизации не могли оказать сколько-нибудь ощутимого сопротивления. Поначалу население, в рядах которого таились революционные, антиавстрийские группировки, относилось спокойно к французскому завоевателю.

Пользуясь близостью могучей английской эскадры в Средиземном море, против Франции рискнул выступить неаполитанский король, но тут же был повержен и оккупирован превосходящими силами французской армии. В период, когда Наполеон увлекся завоеванием Египта, Неаполь с помощью англичан на время воспрянул новой энергией и занял Рим, посягая на папские владения. Вновь французы укрепились и прогнали неаполитанцев из Рима. В городе вспыхнуло свирепое восстание против про-французских демократов, которые хотели отдать город победоносным французам. Три дня шли уличные бои, пока французам не удалось восстановить порядок.

В начале 1799 г. была провозглашена новая республика, но, как в Неаполе, так и на юге, в деревнях Калабрии, ненависть населения против французских «безбожников», полностью связала руки новому правительству. Под зорким взором британской эскадры, наблюдающей с моря, вся провинция погрузилась в неописуемый хаос. Французы сдавали позиции. В апреле 1799 г. русская армия под командованием А. В. Суворова, в союзе с Австрией, нанесла решительное поражение французам в Касано. Недавние королевства, молодые республики не выдерживали политического напряжения, в Неаполе начались жестокие беспорядки. Судя по имеющимся данным, в этот период молодой Антонио Фортунато покинул родину — Неаполь, уехал из Италии и водворился в России.

Когда на переломе XVIII и XIX веков в русском обществе привился обычай величать кого-либо по имени-отчеству, в некоторых до нас дошедших поздних документах Антонио представлен как Антон Филиппов, или Филиппович. Его сын, Михаил Антонович, и внук, Лев Михайлович, уже вполне ассимилировались и проживали свою жизнь в России, как полноправные русские православные христиане [Там же].

Достоверно известно, что Антон Филиппович проживал в Крыму, был женат на русской женщине Евгении Егоровне (ее девичья фамилия не сохранилась), от брака с которой у него родилось трое детей: дочь Анна (р. 1820) и сыновья — Михаил (1830—1901) и Петр (р. 1831). Сохранились уникальные документы, относящиеся ко времени обоснования семьи Фортунато в России:

- прошение «от переводчика Феодосийского Карантина Коллежского секретаря Антона Филиппова Фортунато» «о приведении его на верность подданства России к присяге и выдаче ему в том свидетельства» (от 2 июня 1845 года),
- текст клятвенного обещания на подданство (императору Николаю Павловичу и наследнику престола Великому Князю Александру Николаевичу),
- аналогичное клятвенное обещание Михаила Антоновича Фортунато (от 3 января 1845 года) и
- служебный рапорт Антона Филипповича с некоторыми биографическими сведениями (от 28 августа 1849 г.)¹². (Копии перечисленных документов см. в Приложении книги).

Очевидно, что Антон Филиппович Фортунато был рожден и до известного времени пребывал в римско-католической вере, однако, вместе с российским подданством, в возрасте 65-ти лет принял Православие. Дети же его были крещеными в православную веру от рождения.

О Михаиле Антоновиче, прадеде героя нашего повествования, известно уже довольно много. Он родился в Ялте и, также как его отец, получил российское подданство в возрасте 16-ти лет. В 1855 г. Михаил Фортунато поступил на военную службу «в запасной эскадрон Новгородского кирасирского Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елены Павловны полк»¹³, но уже в 1858 г. уволился со службы «по крайним домашним обстоятельствам»¹⁴. Отец Михаил предполагает, что на его решение, возможно, повлияла смерть матери. Отставной поручик довольно скоро (в 1859 г.) женился на дочери штабс-капитана Стефана Палевича. За 12 лет совместной жизни Михаила Антоновича и Клеопатры Стефановны (1841—1871) у них родилось семеро детей — дочь Евгения и шестеро сыновей. Лев Михайлович, дед протоиерея Михаила, был старшим сыном в семье (р. в 1861 г. в Евпатории). Клеопатра Стефановна скончалась в возрасте 30 лет при очередных родах, оставив своего супруга с семью детьми на руках. После смерти жены (в 1871 г.) Михаил Антонович переехал в Ялту и, спустя несколько лет (в 1879 г.), вторично женился на дочери известного музыкального критика Владимира Васильевича Стасова.

Для Софьи Владимировны Стасовой это был также второй брак — ее первый муж, мировой судья из г. Ужицы (Каменец-Подольской губернии) Василий Прокофьевич Медведев, рано ушел из жизни. Оставшись одна с двумя малень-

¹² Все перечисленные документы были присланы из России по запросу Владимира Фортунато в 2004—2005 гг.

¹³ Рукописный архив Владимира Всеволодовича Фортунато, с. 1.

¹⁴ Там же.

кими детьми, Юрой и Соней, Софья Владимировна «не сдалась», но стала работать и направила свой ум и кипучую энергию на освоение гостиничного бизнеса¹⁵. Открытая С. В. Стасовой в Ялте гостиница «Россия» (впоследствии переименованная в «Тавриду») стала со временем не только источником дохода семьи, но и культурным центром города. По рекомендации Владимира Васильевича Стасова в ней в разные годы останавливались многие знаменитые люди того времени: композиторы М. П. Мусоргский и Н. А. Римский-Корсаков, писатели Н. А. Некрасов и И. А. Бунин, актриса М. А. Ермолова, артисты студии «МХАТ».

Брак Михаила Антоновича и Софьи Владимировны оказался удачным. Многочисленное разновозрастное потомство обоих супругов хорошо ладило друг с другом, было окружено заботой и вниманием, а спустя несколько лет, в семье появились также общие дети — Владимир и Елизавета (названные в честь отца и матери С. В. Стасовой). Михаил Антонович служил агентом «Российского общества пароходства и торговли», много разъезжал, но при этом живо интересовался делами жены и немало ей помогал. Он был от природы музыкальным, имел неплохой голос, владел фортепиано и время от времени пел и играл в гостиничном музыкальном салоне. Фотографии Михаила Антоновича не сохранилось, но, как о том свидетельствует Екатерина Львовна Фортунато, сын ее сестры (Веры Львовны Фортунато-Стебельской) Сергей Стебельский помнил фото своего прадеда. Он говорил, что у его прадедушки «были очень большие темные глаза, темные волосы (сказались итальянские корни), а складом лица он напоминал Лермонтова» [Фортунато (р.кп. 1): 5].

В год женитьбы Михаила Антоновича (1879 г.) на С. В. Стасовой его старшему сыну Льву (1861—1934) было уже 18 лет. На фотоснимке того времени очень заметно его итальянское происхождение. Лев Михайлович учился в Елизаветградском (Мелитопольском) реальном училище, но на каникулах жил в доме своей мачехи. Екатерина Львовна Фортунато приводит отрывок из воспоминаний Н. А. Римского-Корсакова, в котором говорится о встрече со Львом Фортунато в Ялте: «Вечером на возвратном пути от Афанасьевых, близ Ай-Даниля, в коляску нашу подсел старший Фортунато со своим товарищем Феликсом Блуменфельдом, которого он тут же познакомил с нами» [Там же: 8]¹⁶. Уже своим детям Лев

¹⁵ Софья Владимировна Стасова, судя по воспоминаниям Екатерины Львовны Фортунато, вообще была человеком очень энергичным и общественно активным: помимо гостиничного бизнеса она занималась благотворительностью, устраивала «народные балы» для простых людей, по ее инициативе в Ялте был открыт туберкулезный санаторий. Спустя несколько лет после смерти своего второго мужа (он умер от туберкулеза в 1901 г.), она переехала сначала в Петербург, а затем, после революции — в Москву, где и скончалась в 1929 г.

¹⁶ Интересно привести весь абзац из воспоминаний Н. А. Римского-Корсакова, которые относятся к лету 1881 года. «Остановившись в Ялте в гостинице “Россия”, мы совершали всевозможные прогулки и поездки по Южному берегу. В Ялте оказалось довольно много знакомых: Софья Владимировна Фортунато (дочь В. В. Стасова) с семейством, управляющая гостиницей “Россия”, П. И. Бларамберг с женою, Серова и, наконец (нечаянная встреча!), П. А. Зеленый, бывший командир клипера “Алмаз”, с женою (г-жою Волжинскою в

Михайлович рассказывал, что в Ялте ему повезло слушать отрывки из оперы «Снегурочка» в исполнении самого композитора. Лев Фортунато, как и многие его современники, был музыкантом-самоучкой, самостоятельно овладел нотной грамотой, играл на фортепиано и скрипке. Он имел абсолютный слух и исключительную музыкальную память. В период жизни и учебы в Петербурге, Лев Михайлович часто бывал в доме В. В. Стасова и встречался там с композиторами «Могучей кучки», а также с А. К. Глазуновым, А. К. Лядовым и братьями Сигизмундом и Феликсом Блуменфельдами. По-видимому, музыкальная и художественно-артистическая атмосфера дома знаменитого критика и возбудили в юноше мечты о карьере профессионального музыканта. Однако им не суждено было осуществиться. Поступлению в консерваторию помешал ряд причин: возраст (на момент окончания реального училища (в 1882 г.) и переезда в Петербург Льву Михайловичу исполнился 21 год), предстоящий призыв в армию и левосторонняя постановка руки на скрипке. Не помогла даже протекция В. В. Стасова и его личное знакомство с профессором Петербургской консерватории Л. С. Ауэром.

Оставив мечты о музыкальной карьере и отслужив несколько месяцев в армии, Лев Михайлович в 1883 году подал прошение в Петербургский горный институт. Обучение его складывалось сложно. В 1884 году он ушел из института и, вероятно, работал, помогая отцу содержать семью. В 1887 году молодой человек поступил на архитектурное отделение Академии художеств, которое покинул, будучи на третьем курсе, из-за своего участия в студенческих конфликтах с профессурой академии. В 1890 г. Лев Фортунато вновь вернулся в горный институт, был отчислен за

Фортунато Л. М.
(студенческие годы)

первом браке). Однажды все это общество предприняло пикник на Яйлу, в котором участвовали и мы. У Фортунато мы познакомились с семейством Анастасьевых, владельцев небольшого имения в Магараче, которых тоже однажды посетили, и вместе с ними осматривали Никитский сад. День этот памятен мне тем, что вечером на возвратном пути от Анастасьевых близ Ай-Даниля в коляску нашу подсел старший Фортунато с товарищем своим Феликсом Михайловичем Блуменфельдом, молодым человеком лет 18-ти, которого он тут же познакомил с нами. Наш милый новый знакомый оказался бойким подающим надежды пианистом и щедро одаренной музыкальной натурой. В продолжение нескольких дней мы постоянно видались с ним у Фортунато в гостинице «Россия». В салоне гостиницы имелся хороший рояль, и мне пришлось не один раз сыграть среди ялтинских знакомых отрывки из всех тогда интересовавшей «Снегурочки». Феликс слушал, по-видимому, с восхищением». *Римский-Корсаков Н. А.* Летопись моей музыкальной жизни. 8-е изд. М.: Музыка, 1980. С. 188.

*Фортунато Л. М. и его жена
(ур. Арзубова Е. К.)*

неуспеваемость (из-за стесненного материального положения ему приходилось много времени тратить на подработки, «бегая» по частным урокам) и снова восстановлен. В конечном итоге «вечный студент» все же окончил полный курс института (в 1895 г.) и приобрел профессию горного инженера-металлурга.

После окончания института в 1897 г. Лев Михайлович женился на Елене Константиновне Арзубовой (1867—1922). Екатерина Львовна Фортунато рассказывает, что ее отец долго ухаживал за своей будущей женой. Он несколько раз делал ей предложение, но получал отказы, поскольку Елена Арзубова считала «жениха» весьма дерзким и невыдержанным. Лишь более продолжительное знакомство изменило ее отношение ко Льву Михайловичу, и она согласилась выйти за него замуж. Однако родители Елены Константиновны не давали благословение на их

брак до тех пор, пока Лев Фортунато не «встал на ноги». Поначалу молодого инженера-металлурга «перебрасывали» с одного завода на другой: он работал на юге России (в Области Войска Донского), в Иркутской губернии, в Таганроге. Наконец, в 1904 году Л. М. Фортунато с семьей переехал в Екатеринослав (Днепропетровск), где получил место преподавателя, и проживал там до конца жизни.

*Фортунато Л. М.
(зрелые годы)*

Надо сказать, что в качестве металлурга Лев Михайлович весьма преуспел — он внес весомый вклад в теорию и практику производства стали. В Днепропетровске его до сих пор почитают как ученого и общественного деятеля. Он начинал свою деятельность в Екатеринославе в качестве преподавателя горного училища, а заканчивал руководителем кафедры металлургического института, был постоянным членом всевозможных профессиональных товариществ. Но особенно интересно то, что, несмотря на чрезвычайно насыщенную профессионально-общественную жизнь, Лев Михайлович отдавал дань главной любви своей молодости — музыке. По его инициативе и под его руководством в Днепропетровске было создано музыкальное училище (которое первоначально именовалось музыкальной консерваторией, а позднее музыкальным техникумом), в котором он сам преподавал историю музыки.

Л. М. Фортунато написал несколько оркестровых сочинений, в частности симфоническую картину «Южная ночь» и «Серенаду для оркестра», а также сочинял песни и стихи для своих детей. В семье Фортунато вообще было принято музицировать — по субботам и воскресеньям, в праздничные дни. Екатерина Львовна вспоминает, как в их доме собирались папины друзья и исполняли квартеты, причем Лев Михайлович играл на альте со струнами, натянутыми в обратном порядке, и держа смычок в левой руке.

*На первом плане: Л. М. и Е. К. Фортунато.
На втором (слева направо): Е. Л. Фортунато,
В. Л. Фортунато, Е. В. Стебельский*

Единственный сын Льва Михайловича и отец будущего регента, Всеволод (1899—1969), был вторым ребенком в семье (старшая сестра Вера родилась в Сибири (1898—1943), младшая, Екатерина — в Таганроге (1901—1989)). Он появился на свет в Петербурге-Петрограде, как он сам любил говорить. Мальчик успешно учился и мечтал стать архитектором.

Фортунато В. Л. (гимназист)

Фортунато В. Л.

Тяжелникова Е. М. 1925 г.

Но юность Всеволода Львовича пришлось уже на военные и революционные годы. В возрасте 19 лет он добровольцем ушел на фронт, навсегда расставшись с семьей (его мать умерла в 1922 году, отец — в 1934). Воинскую службу начинал в чине младшего портупей-юнкера Российской Императорской армии. Во время революционных событий сражался на стороне Белой армии в полку генерала М. В. Алексева. После ее разгрома в составе армии генерала П. Н. Врангеля, будучи уже в чине подпоручика, попал в Галиполи (Турция), а затем, с десятками тысяч других молодых людей, приехал (в 1920 году) во Францию и остался там на всю жизнь.

Франция потеряла в войне много молодежи, нуждалась в рабочей силе и потому приняла беженцев. В Париже Всеволод Львович познакомился с Евгенией Михайловной Тяжелниковой (1907—1995). Они поженились в 1929 году, а в 1931 у них родился первый сын, которого, в честь дедушки (отца матери), назвали Михаилом.

Фамилия моей мамы по рождению Тяжелникова, но по линии бабушки наша семья происходит от английского рода Smith¹⁷. В русской редакции эта фамилия превратилась в Шмидт. История рода и его переселения в Россию уходит далеко в прошлое. По рассказам бабушки, она весьма романтически началась с любви некоего способного молодого человека и дочери лорда, по фамилии Hartwell — Хартуэл. Молодая пара, не получив согласия на брак от грозного отца невесты, решила бежать, и скрылась в Германии. По восстановленным Владимиром Фортунато фактам, их побег относится к XVIII веку, и со временем всплывает фамилия молодого любовника, но не подлинная, а вымышленная. По-видимому, он, или кто-то из его потомков, поменял истинную фамилию на распространенное имя Smith-Смит-Шмидт, чтобы вернее скрыться. Как бы то ни было, оседают они в Гамбурге, молодой англичанин входит в мир кораблестроительства, где он проявляет незаурядные способности. Среди его непосредственных потомков мелькает имя Иосифа, учителя по профессии. Семья — со временем они стали немцами — некоторое время жила во Франкфурте-на-Майне. Сын Иосифа Шмидта, капитан Николай Иосифович (р. в 1754), прописывается на жительство в России, это было в царствование Екатерины II. Весьма вероятно, что в России семья обосновалась жить в городе Николаев. Бабушка, Ольга Владимировна, вспоминала свое пребывание в этом городе и оставшийся в памяти тревожный лай собак... [Фортунато (аудио-14)]

¹⁷ Тяжелниковы — потомственные дворяне Псковской губернии с 1854 г., Шмидты — потомственные дворяне Херсонской губернии с 1881 г.

Сын и внук Иосифа Шмидта именовались на русский манер — Николаем Иосифовичем (р. 1764) и Петром Николаевичем (р. 1794). Поколение сыновей Петра Николаевича было легендарно известно. (Герб семьи Шмидт — см. в цв. вклейке.)

Мой прадед, Владимир Петрович, был морским офицером. В 1860-е годы, будучи капитаном I-го ранга, он командовал императорской яхтой «Тигр», на которой часто плавал Государь¹⁸. И вот однажды произошел такой случай. Поднялся шторм в Балтийском море, и судно село на мель. Государь тоже вышел посмотреть. Поднялась суматоха: капитан Шмидт тут, Государь тут — и все распоряжаются. Капитану это не очень понравилось. Он считал, что ответственный он, а не кто другой. И он даже накричал на императора: «Ваше Императорское Величество, капитаном на корабле являюсь я! Прошу в каюту». Государь смутился и ушел к себе в каюту. Но потом мой бедный прадед не знал, куда себя деть, и утром, придя на рапорт, стоял смущенный. Но Император его даже как бы похвалил: «Напугал ты меня, Шмидт, вчера» [Фортунато (рпк. 2): 5—6]¹⁹.

Адмирал Шмидт В. П.

Лейтенант Шмидт П. П.

¹⁸ Император Александр Николаевич II (1818—1881; годы царствования — 1856—1881).

¹⁹ Младший брат отца Михаила, протоиерей Андрей Фортунато, считает, что описываемые события происходили в Финском заливе на императорской яхте, командиром которой Владимир Петрович Шмидт был в 1863—1865 и 1866—1871 гг.

Краевская Ю. М.

Шмидт О. В.

Впоследствии капитан В. П. Шмидт дослужился до адмирала российского морского флота (1827—1909)²⁰, а его брат, Петр Петрович (1828—1888) — до контр-адмирала. Сын П. П. Шмидта, был тем самым, известным в советское время, лейтенантом Шмидтом (1867—1906), который считался героем революционного движения²¹. Он защищал интересы простых матросов, был осужден и расстрелян. Протоиерей Михаил считает, что его двоюродный дед отнюдь не был революционером, но лишь гуманным офицером, обладающим чувством сострадания, то есть настоящим христианином. «Я тоже один из сыновей лейтенанта Шмидта», — шутит отец Михаил, намекая на известный роман Ильфа и Петрова.

Семья Владимира Петровича Шмидта часто меняла место своего жительства, много путешествовала. Не случайно потому впоследствии

²⁰ Адмирал Владимир Петрович Шмидт похоронен в Севастополе во Владимирском соборе рядом с адмиралом П. С. Нахимовым (со слов протоиерея Андрея Фортунато).

²¹ Лейтенант Петр Петрович Шмидт родился в 1849 году, расстрелян в 1906 году.

именно Ольга Владимировна (1870—1963)²², дочь Владимира Петровича и Юлии Михайловны (ур. Краевской) (1839—1910), дала своему внуку Мише первые представления о России.

Спустя много лет, впервые приехав в Москву, Михаилу припомнились слова бабушки о том, что в России «все большое». Влияние Ольги Владимировны, и вообще Шмидтов, сказалось, по-видимому, в сочетании приверженности традициям, с одной стороны, и, с другой — в любви к путешествиям и в умении легко приравниваться к любым условиям.

Бабушка была то, что французы называют *grande dame*. Я в ней чувствовал всю старую Россию. Она прожила пятьдесят лет в России до революции и в этом смысле она для нас являлась символом, эмблемой всего того, что было Россия. Когда они все переехали во Францию, то бабушка проявляла себя так, будто она там временно. У нее уже было достаточно «корней», чтобы быть самостоятельной, уверенной в себе, чего нельзя сказать о следующем поколении. Желала ли она вернуться в Россию? Я думаю, что в определенном смысле мы все жили «на чемоданах». Это в природе русской нации — мы «кочуем» все время. Например, тот факт, что бабушка не имела своего дома, а жила то у одной дочери, то у другой, говорит о том, что она приспособивалась легко. Мне это дало понять, что русское общество может легко прижиться к любым обстоятельствам. Бабушка моя так и жила — что ей предложится судьбой, то она и принимала. Это не то чтобы фатализм, а какая-то уверенность, что твоя жизнь проходит внутри тебя. Она была верующая, но без выражения этой веры. Она ходила в храм, но нас ничему не учила, или, скорее, она научила нас своему внутреннему миру. Изучив богословие, я могу сказать так, что, вероятно, это было «моральное христианство». Интересна ее кончина. Она умерла, «как свеча погасла» — не от болезни, а просто от старости, от конца жизненной энергии. Три дня она лежала в забытьи, время от времени просыпалась, но ничего не говорила и опять засыпала. Но в самый последний день мама, которая была неподалеку, вдруг слышит, что бабушка восклицает: «Аллилуйя, аллилуйя!» На нас это произвело огромное впечатление. Наверное, у бабушки было предвкушение Небесного Царства. И с этим она ушла... Она умерла в девяносто четыре года, прожив тридцать лет во вдовстве. Она всегда повторяла, что скоро встретится со своим мужем, Михаилом Ивановичем. Это ее ожидание во мне до сих пор живет [Фортунато (рпк. 2): 7—9].

Мать Михаила Фортунато, Евгения Михайловна, родилась в Туле. Михаил Иванович (1866—1933)²³, будучи армейским офицером, постоянно менял место жительства, служил в Чернигове, Туле, Белостоке. В последние предреволюционные годы он был генерал-губернатором Новороссийска.

Именно оттуда семья выехала сначала в Сербию, а затем во Францию.

²² Ольгу Владимировну крестили в церкви свят. Иоанна Златоуста (Ялта), ее восприемниками (заочно) были император Александр II и Великая Княгиня Ольга Федоровна.

²³ Потомственный военный. Отец — Иван Иванович Тяжельников (1831—1891), штабс-капитан лейб-гвардии Литовского полка. Дед — генерал-лейтенант Иван Иванович Тяжельников (1801—1869).

Я был назван в честь своего дедушки с материнской стороны, Михаила Ивановича Тяжельникова, который умер, когда мне было два с половиной года, 10-го декабря 1933 года. Память о моем дедушке Мише вызывает во мне до сих пор светлое чувство радости. Случались минуты чистейшего восторга, когда, отрывая взгляд от пробежавшего мимо нас с треском трамвая, я узнавал дедушку, идущего с работы на обед... и я бежал, забыв себя, ему навстречу. И только подрастая, внимая рассказам бабушки и родных, я понимал, что это был человек идеи, глубоко верный — как нам внушали — своему служению «Богу, Царю и Отечеству» [Фортунато (ркуп. 2): 1].

Тяжельников М. И.

Тяжельников И. И.

Несмотря на итальянские и английские корни, предки отца Михаила были вполне русскими по воспитанию и образу мысли, традиционно православными по вероисповеданию, умеренно религиозными. Но революция и эмиграция внесли свои коррективы и в отношении к Родине, и, в первую очередь, в отношении к вере и Церкви. Мучительно переживая трагедию изгнания, поколение беженцев заново искало смысл жизни. Высказывание Всеволода Львовича, которое Михаил неоднократно от него слышал: «Мы потеряли нашу земную Родину, но приобрели Небесное Отечество», — можно считать ключевым для всех эмигрантов послереволюционной «волны». Церковь и вера из культурной традиции превратилась в единственный смысл жизни.

Таким образом, своим предкам отец Михаил обязан не только историей, традициями, преданиями, корнями. Главным достоянием семейной истории была передача образцов веры в Бога и Церковь, любви и преданности Родине, а кроме того — жизни, озаренной предчувствием и ожиданием Царствия Божия.

Родители, детство

Детство и юность поколения, родившегося в 1930-е, пришлось на предвоенные, военные и послевоенные годы. Это время было насыщено сложными, тяжелыми событиями в политической и экономической жизни стран Западной и Восточной Европы: экономическая нестабильность, безработица предвоенного периода, Вторая мировая война, разруха и голод — все трудности и лишения этого времени вынесли на своих плечах родители Михаила.

Первые годы семья Фортунато жила с родителями Евгении Михайловны в предместье Парижа Courbevoie (Курбева). Именно к этому времени относятся те самые воспоминания Михаила о дедушке — М. И. Тяжельникове.

Тяжельниковы М. И. и О. В. с внуками — Мишей и Володей

После его смерти и рождения Владимира семья переехала в другой ближайший пригород столицы — Le Plessis Robinson (ле Плесси Робинзон), где проживала вплоть до 1940 года.

Плесси

Автобус, который шел в город, долго поднимался в гору. Плесси стоял на плоскогорье. На окраине находилась школа и, недалеко, храм. От этого места начинался бульвар, который пересекали пять поперечных улиц [Фортунато (аудио-4)]²⁴.

Семья жила в трехкомнатной квартире на втором этаже 5-этажного многоквартирного дома с просторной кухней и передней. Кроме столовой, посредине

²⁴ Здесь и в дальнейшем ссылки на расшифровки аудиозаписей приводятся без указания страниц.

которой стоял большой обеденный стол, было еще две комнаты — спальня родителей и детская. Обе они окнами выходили на широкий бульвар, по которому ходили машины и автобусы. Во дворе дома располагались сады и огороды. Семья Фортунато тоже имела небольшой участок, на котором они сажали овощи и зелень. У мальчиков были свои грядки: у Миши в виде буквы «М», у Володи — в виде «В». Несмотря на то, что отец постоянно пропадал на работе, средств к существованию не хватало — работа была не всегда, да и малоквалифицированный труд низко оплачивался.

Тяжельникова Е. М. с сыновьями

Миша и Володя. 1937 г.

Были моменты, когда отец ничего не зарабатывал или сидел без работы. И мы ходили в уличные столовые, где давали суп, и на этом супе мы жили. Другой момент, я помню, мы собирали бутылки из-под масла и вина и сдавали их, чтобы купить хлеб. Вокруг нас русские страдали так же. Осенью они ходили за грибами в лес, чтобы получить какое-нибудь пропитание. Родители ничего не понимали в грибах, а соседи понимали. Мы с ними жарили грибы и пекли пироги [Фортунато (р.кп. 2): 31].

Иногда мальчики видели, как под окнами останавливался папин грузовичок — он долгое время работал в одной армянской фирме и развозил рыбу. Несмотря на свою занятость, Всеволод Львович время от времени после работы сам купал детей в большой ванне, которая стояла посреди кухни, а затем укладывал их спать. Мальчики требовали от него подробных рассказов обо всех авариях, случившихся за день на дорогах Парижа.

Одно воспоминание детства, связанное с отцом, сильно повлияло на сознание маленького Миши.

Надо сказать, что отец очень любил нас укладывать, мне было года четыре, брату — два. Брат еще «кувыркался», не мог прочно стоять на коленях. Отец укладывал нас и молился с нами. Этот момент просто удивительный. Я помню, как он стоял, повернувшись к иконам, и мое ощущение четырехлетнего сознания, что отец молится. Для меня это было откровение, что кто-то молится. Причем, мой отец — самый умный, красивый, сильный — молится Кому-то, Кто больше его. Это оставило такое впечатление, что можно сказать, что с тех пор я поверил в Бога. Отец привел меня к вере, помог мне вырасти на моем духовном пути. В этом смысле, он помог мне выжить. Я с тех пор веры не терял никогда. Бог всегда был живым передо мной [Там же: 24—25].

Мать Михаила и Владимира занималась, главным образом, воспитанием детей. При этом Евгения Михайловна постоянно подрабатывала дома шитьем. В ее спальне стояла швейная машинка «Зингер».

В Плесси, кроме Фортунато, проживало немало русских. Семьи общались, ходили друг к другу в гости. Но главной частью «русской» жизни был православный храм. Мама водила детей на службы довольно регулярно. При церкви существовала воскресная школа, где с детьми занимались Законом Божиим и русским языком, учили стихи, устраивали праздники, ставили спектакли.

В храме чувствовалась «эмигрантская атмосфера» — было тепло, люди истово молились, пение спокойное. Я помню отца Иоанна Лелюхина, он упоминается в книге митрополита Евлогия как довольно передовой священник, который был «загнан» в Плесси из-за того, что пил. Он был довольно старенький и подарил мне Новый Завет. Мы ходили в храм довольно регулярно. Другие русские ходили редко или вовсе не ходили — мы их своими не считали [Фортунато (аудио-4)].

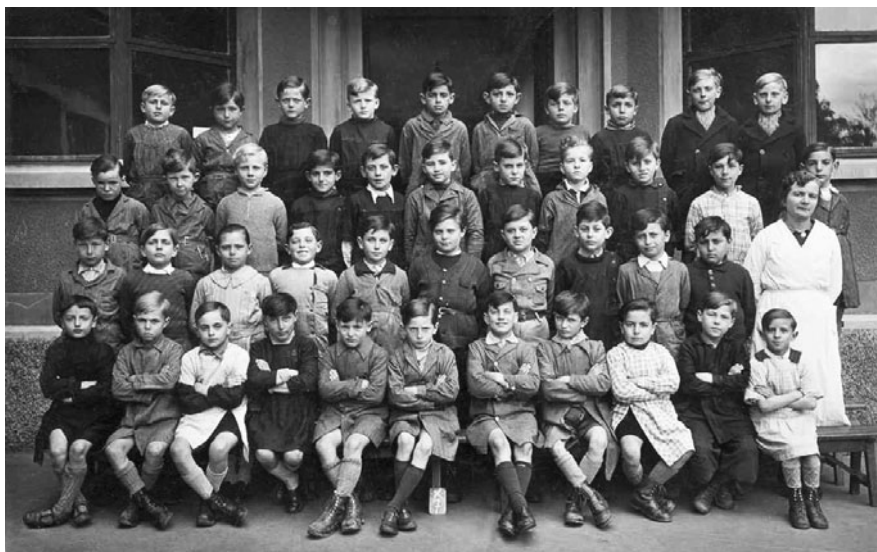
Сверстники, с которыми дружили братья Фортунато, были также из русской среды. Неудивительно, что при столь разностороннем «русском» общении, Миша

при поступлении в школу практически не знал французского языка. В пять лет его отправили в подготовительный класс.

Мама отвела меня, пятилетнего, в садик. Кроме разлуки с мамой и братом, я убедился, что никто здесь меня не понимает. Никакие игрушки не способны были развеять чувство моей потерянности. Как сейчас помню, я провел первый день в школе в слезах. Учителя дали знать маме. На следующий день мама проявила свое прямо гениальное педагогическое чувство. Вместо того, чтобы держать меня еще дома, пока я не «созрею» для школы, она захватила с собой маленького трехлетнего брата Володю мне в напарники. Школа приняла нас обоих, и вопрос моей юной незрелости был исчерпан. С того дня длится моя сознательная, крепкая дружба с Володией [Фортунато (аудио-14)].

Одно яркое воспоминание, связанное с братом, врезалось в память. Это произошло приблизительно в ту же пору. У маленького Володи на пальце руки под ногтем появился нарыв. Его надо было вскрывать. Наступил день отправляться в больницу. Тут мама подготовила брата к болезненной операции, спокойно и серьезно объяснив ему про мужество перед хирургом, необходимое во время вскрытия. Когда они вернулись, я ждал. Мама сказала: «Крепился и не пикнул». Помню чувство гордости, испытанное за брата [Там же].

В шесть лет Миша поступил в 12-й²⁵ класс начальной школы.

12 класс

²⁵ Во Франции 12-й класс соответствует 1-му в России.

К этому времени он уже хорошо говорил на французском, учился легко, ладил со сверстниками. Но вне школы общение с французами не складывалось. Мальчики росли в русской культурной среде и дома говорили только на русском.

В доме имелся музыкальный инструмент — фортепиано, на котором Всеволод Львович немного играл. В шесть лет Миша получил первые уроки игры на фортепиано. Его учителем был некто господин Корбасников. Продолжалось это недолго, однако пробудило интерес к музыке и запомнилось.

Война

К началу Второй мировой войны Мише Фортунато исполнилось восемь. Он вспоминал, как первое время при звуке сирен они прятались в бомбоубежищах, но поскольку бомбардировок не было, то скоро все перестали обращать внимание на сигналы тревоги.

Всеволод Львович был исключительно миролюбивым человеком с очень мягким характером, но на всю жизнь сохранил любовь к армии. В начале 1930-х годов в Париже он был секретарем правления Русского Общевоинского Союза. До начала войны постоянно следил за передвижениями немецких войск и отмечал их на карте флажками. Весной 1940 года Всеволод Львович ушел добровольцем на фронт. Добровольная мобилизация давала ему преимущество служить в офицерском чине. Летом отец вызвал семью в Angers (Анже) — место дислокации его полка. Офицеры квартировались по частным домам. Хозяева В. Л. Фортунато приютили на несколько месяцев всю его семью, отец приходил «домой» ежедневно после службы. В течение некоторого времени мальчики ходили в школу в Анже. Здесь Владимир заболел инфекционным менингитом, но, по счастью, его успешно вылечили, и болезнь не имела тяжелых последствий. Спустя какое-то время полк отца был переброшен в другое место, и некоторое время от него не было никаких известий. Затем пришло письмо от незнакомой женщины, в котором сообщалось, что Всеволод Львович находится среди военнопленных в ее городе. Оказалось, полк его попал в окружение и сдался без боя.

Отец Михаил вспоминает о том, как они с мамой ездили к отцу. Евгения Михайловна ждала третьего ребенка и должна была вот-вот родить. Михаилу в этот период было 9 лет, и мать спрашивала у него, как у старшего сына, совета, ехать ли к отцу или не стоит. Миша решил — ехать. Добирались «на перекладных», кружным путем, ночью сидели на каком-то полустанке. Мальчики запомнили такой эпизод. Когда они с мамой на платформе ждали своего поезда, к ним подошел немец и подал банку мясных консервов. Мама спросила: «Что это?» Немец пошутил в ответ: «Аffe» (обезьяна). По воспоминаниям отца Михаила, немцы, как правило, неплохо относились к мирному населению во Франции. В Laval (Ляваль — название городка, в котором находились военнопленные) Евгения Михайловна с детьми остановилась у женщины, приславшей им сообщение об отце — ее звали мадам Фрост, и она была русской по происхождению. Пленные офицеры размещались в пустующем здании городской семинарии, им было разрешено выходить в город,

поэтому семья Всеволода Львовича могла беспрепятственно общаться с отцом. Евгения Михайловна с мальчиками задержалась в Лявале на три дня, а сразу после их возвращения в Анже родился Андрей, младший и последний ребенок в семье. Это случилось в августе, а уже спустя две недели семья вернулась в Плесси. Жить там без отца с тремя маленькими детьми на руках было тяжело, и вскоре Евгения Михайловна с детьми перебралась в другой пригород Парижа, Asnières (Аньер), где в то время проживала ее старшая сестра Наталья. Зима 1940—1941 годов была голодной и «холодной», квартира, которую первоначально удалось снять, плохо отапливалась, дети мерзли, болели.

Полк Всеволода Львовича, спустя недолгое время после отъезда его семьи, отправили в Германию в лагерь для военнопленных. Пленные офицеры, которых, в отличие от солдат, не заставляли работать, устроили в лагере нечто вроде университета.

Заклученные были в основном интеллигенты — врачи, юристы. Они договорились между собой и организовали университет, где преподавали те предметы, которыми они владели. И поскольку у отца не было никакого образования, все эти годы он сидел за рулем, то он стал учить бухгалтерию и выучил ее достаточно, чтобы, когда его освободили, он смог работать в этой области. Это уже был совсем другой папа — другой костюм и другие деньги [Фортунато (аудио-4)].

Всеволод Львович вернулся из плена в августе 1941-го года, пробыв в лагере для военнопленных ровно год, и сразу по возвращении определил своих старших сыновей в Кадетский корпус.

Кадетский корпус

Это специализированное русское учебное заведение с военно-патриотической ориентацией располагалось в Версале. Его преподавателями и воспитателями были преимущественно отставные военные, которые поддерживали в корпусе «строевую дисциплину». Младшие воспитанники нередко восторгались *«тонкой осанкой, распорядительностью, подтянутостью старших кадетов, фельдфебеля, вице-унтер-офицеров»* [Там же]. «Старое вековое предание» приобрело форму «благородного этикета». Мало кто из преподавателей имел педагогическое образование и обладал даром воспитания молодежи. Кадетам практически не давали реальных знаний по истории Отечества и осмысленного понимания происшедшей в России катастрофы, учащиеся не читали книг. Зато воспитанники получили солидную строевую подготовку, которая Михаилу впоследствии пригодилась в армейской службе. Другим положительным моментом было то, что обучение велось на русском языке.

В свете моей сегодняшней деятельности в России, поступление в Кадетский корпус в возрасте десяти лет теперь мне представляется определяющим. Отец, от-

правивший меня с братом в Версаль учиться, объяснил свое решение тем, что он хочет подготовить нас к «служению России»²⁶. Однако нам, в те годы ходившим во французскую «коммунальную» школу, оторванным от прямого, живого опыта русской жизни, кроме эмигрантской, мысль о служении Отечеству, хотя радовала и вдохновляла, но не имела реального применения. Как-никак, наша реальная Родина была Франция, давшая нашим отцам-беженцам кров, хлеб, работу, нам же, кроме того — образование и гражданство²⁷. За это я глубоко признателен Франции [Фортуна (аудио-4)].

В корпусе Миша понемногу занимался также и игрой на фортепиано под руководством француженки Mlle Bonnel de Longchamp, которая с любовью и терпением поддерживала в мальчике «*feu sacré*» — «горящий огонь» музыкального дарования. Мадемуазель Боннель была хорошей пианисткой и очень добросовестным, а порой одержимым, педагогом. Она занималась с мальчиками у себя на дому. Кроме братьев Фортуна в те годы к ней ходило еще три воспитанника. Играли упражнения, этюды Ганона, пьесы. Миша занимался с увлечением и делал успехи. В его репертуаре к концу пребывания в корпусе были даже этюды Шопена. На концертах учащиеся исполняли произведения в четыре руки.

Мне вспоминается одно переживание. Мы играли на 4-х инструментах (в восемь рук), я исполнял 1-ю партию. Помню, как в восторге я забылся, музыка меня совершенно поглотила, была музыка, а меня не было. А в конце концерта мадемуазель играла сама — кажется, это был концерт Равеля для левой руки. Было очень хорошо. Я переживал эти моменты, как райское состояние. Мне было лет 10—11 [Фортуна (аудио-14)].

В конце года мадемуазель устраивала что-то вроде экзамена, на который приглашала свою консерваторскую подругу, всемирно известного педагога, профессора Парижской консерватории Надю Буланже.

Мне было лет 15, когда мадемуазель Боннель собрала 3—4 учеников (включая меня) и отвезла нас в Париж к Наде Буланже (наша Mlle была с ней дружна). Надя Буланже была исключительным педагогом — она воспитала музыкальный Париж и Нью-Йорк. И она предложила мне поступать в Парижскую консерваторию, добавив при этом: «Ты не будешь хуже других». Затем она объяснила, что я должен явиться осенью в консерваторию, предварительно хорошо подготовив сольфеджио. Я читал ноты довольно свободно, но этого было недостаточно — читать нужно было в очень быстром темпе. И это было мне непонятно: зачем нужна такая виртуозная техника? Позднее я написал ей, поблагодарил, но отказался. Почему я отверг этот шанс? Какой-то инстинкт подсказал мне, что это чужое для меня. Сама музыка — это прекрасно, но заниматься этим все время,

²⁶ Так совпало, что ровно спустя 50 лет после поступления в Кадетский корпус в 1991 году сбылось «благословение» Всеволода Львовича на «служение России» — в жизни и профессиональной деятельности отца Михаила начался «русский период».

²⁷ Перед войной все члены семьи Фортуна получили статус граждан Франции — документ о «натурализации» был выдан 28 марта 1938 года (см. в Приложении книги).

стать рабом такого профессионализма... К тому времени я уже пел в храме и держал камертон в руках [Фортунато (аудио-14)].

Событием, которое оставило глубокий след в памяти Миши, была смерть одноклассника, погибшего во время бомбардировки. «*Это было первое в жизни переживание тайны смерти и личного горя о погибшем*» [Фортунато (аудио-4)].

Религиозное воспитание в корпусе, по-видимому, не было особенно глубоким. Мальчикам не давали серьезных православных представлений о жизни, смерти, воскресении. Не освещали с христианской точки зрения события русской истории, революцию, изгнание, нынешнее положение их родителей и их самих. Все эти вопросы оставались пока без ответа. Их разрешение оставалось делом будущего. Но праздничные тропари Михаил запомнил на всю жизнь именно с той поры.

Сильным впечатлением тех лет было постоянное чувство физического голода — следствие военного времени.

Впоследствии сведения о голоде в разных частях света, включая и Россию, я переживал остро и мучительно и всегда молился о несчастных [Там же].

Летнее время в период обучения в корпусе брата Фортунато проводили в летнем молодежном лагере «Витязи».

Летние лагеря

Во Франции, в Париже, в те годы существовало несколько молодежных движений, главным из которых было Русское студенческое христианское движение (РСХД). От РСХД откололась группа молодежи, которую возглавил очень талантливый лидер Николай Федорович Федоров. Национально-патриотическое движение получило название «Витязи». Не имея столь серьезной религиозно-богословской основы, как РСХД, оно, тем не менее, было жизнеспособным и многочисленным. Одним из направлений деятельности молодежных движений была организация летних лагерей.

Мы, с погонами, в форме, в пилотках, отдавали честь, ходили строем и жили летом в лагерях по два-три месяца. Нашим девизом было: «За Русь! За веру!» В лагере царил почти военная иерархия, были руководители, которые нами занимались. Очень многие офицеры, бывшие на войне, стали священниками. Отец Иов, настоящий монах, у него был небольшой скит под Парижем... он приезжал к нам в лагерь. Кого я помню — это был очень интеллигентный священник, который впоследствии даже епископом стал — Александр Семенов-Тянь-Шаньский, родственник знаменитого путешественника... Когда молиться, то шел приказ: «На молитву, шапки долой!» Но в общей сложности религия была сопутствующей. Мы культивировали свой язык, изучали историю, географию. Наши руководители преподавали нам очень много из того наследия, которое нам было недоступно, поскольку мы жили во Франции. Между прочим, в лагере я познакомился с Нико-

лаем Лосским²⁸. Он был на год старше меня. Мы жили в соседних палатках [Фортунато (аудио-4)].

Вплоть до конца войны лагерь «Витязей» располагался в 100 км к югу от Парижа. Позднее, с 1946 года, его стали устраивать в Альпах, где неподалеку, за «соседней горой» находился такой же лагерь РСХД. «Движенцы» и «Витязи» общались между собой, устраивали спортивные состязания, играли в футбол и волейбол.

Детско-юношеские лагеря вообще были благодатной почвой для опыта общения, как сверстников, так и взрослых с детьми, для всестороннего узнавания друг друга, для проявления склонностей, талантов. Здесь формировались отношения, которые в дальнейшем перерастали в долгосрочное профессиональное или личное общение: дружба Михаила Фортунато с Николаем Лосским сохранилась до сих пор.

Мать, Евгения Михайловна, принимала активное участие в организации и работе молодежных лагерей. В какой-то момент в ней проявился удивительный талант работы с молодежью. Не получив систематического образования, она постоянно «образовывала» себя сама: много читала, обладала поэтическим даром, организаторским талантом и общественным темпераментом.

Многие мои ровесницы, девушки, мне говорили, как приятно с ней работать, быть под ее началом, потому что она входила в их психологию, в их душу и умела так разговаривать, что они глубоко верили ей [Фортунато (ркп. 2): 12—13].

В город мальчики возвращались в сентябре. В 1943 году это возвращение было ознаменовано бомбардировкой Аньера. Снаряд упал недалеко от дома, где жила семья Фортунато. Взрывной волной в квартире выбило все стекла. Бабушка, которая в этот момент находилась дома, осталась целой и невредимой чудом — ее отбросило под стол. Семья переночевала в церкви, а на следующий день отправилась очищать квартиру от цементной пыли и осколков.

Аньер. После Кадетского корпуса

Проучившись в Кадетском корпусе три года (с 1941 по 1944 гг.) Миша и Володя вернулись в Аньер. Их обучение в этот период строилось несколько сумбурно. Здесь была и учеба во французской школе, и частные уроки с разными учителями. Втягиваться в прежний режим учебы было тяжело — мальчики успели отвыкнуть от французской гимназии. Миша стал не успевать, чувствовал себя скованно, неудобно, прежней радости от учебы не было. А вот с русским языком и литературой мальчикам повезло — с ними занималась замечательный педагог Зинаида Ивановна Марш-Маршад. Евгения Михайловна время от времени доставала книги на

²⁸ Лосский Николай Владимирович — сын известного православного богослова и религиозного философа Владимира Николаевича Лосского.